

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

Черный монах за каменной стеной.....	17
Монах не кот... ..	26
Просто христианство	34
Пустите детей... ..	40
Не озирайтесь вспять!	47
Аще кто не возненавидит... ..	54
Караван на пути к раю.....	61
Особенности монастырской политекономии	70
У Бога всего много	77
Рука дающего.....	86
Тесный путь, имже внидоша святии отцы.....	98
Наедине с медведем.....	106
Не делайтесь рабами человеков.....	114
Нормальный человек в монастырь не пойдет.....	123
Погода на улице	130
Познание умножает скорбь?	138
Искусство святости.....	151

Плач третьей птицы

...Устав, что нас от нас же ограждает.....	160
Из жизни поливающих.....	175
Бессмертный Толстошеев.....	188
О покаянной дисциплине.....	194
Есть тебе дело, душа моя.....	206
На кипящий котел мухи не садятся.....	217
К себе восходи, человеке.....	232
Аще хочещи инок быти.....	243
Чистые тайны девства.....	252
Путешествие спящих.....	259
Иметь или не иметь.....	269
По мере веры.....	279
Со страхом и трепетом.....	291
Приют для неудачников.....	307
Нет нам дороги унывать!.....	318
Монашество — сердце христианства.....	330

Приложение

Хочу пожить в монастыре!.....	341
Примечания.....	363
Предметно-именной указатель.....	398
Географический указатель.....	409
Тематический указатель.....	413
Об игумении Феофиле и её монастыре.....	422

ПРЕДИСЛОВИЕ

Лет пятнадцать назад в церковной книжной лавке мне попала небольшая книжка некой монахини N. «Дерзай, дочь!» — кратко говоря, о христианском понимании места, назначения и роли женщины в мире. Открыв ее наугад, я уже не могла оторваться, а прочитав целиком, испытала чувство радостного открытия. Такое бывает при встрече с живым, талантливым и осмысленным явлением. И — совершенно беспрецедентный для меня случай — купила сразу этих книг штук семь, а то и десять, чтобы дарить, и, вручая избранницам, неизменно чувствовала, что дарю что-то очень ценное, очень важное для этого человека, и предвкушала то духовное наслаждение, которое он испытает при чтении.

Потом меня пригласили выступить перед сёстрами Богородично-Рождественской девичьей пустыни в селе Баятино, недалеко от Калуги, и я вместе с мужем приехала туда. Нас встретили у ворот настоятельница и ее помощница, провели в трапезную, где уже сидели монахини и послушницы. Я читала им стихи и отвечала на вопросы. Кое-что в ходе этой беседы, а именно — некоторые важные пояснения и точные реплики, которые вставляла игуменья, — навело меня на смутную догадку, которая потом, когда мы были приглашены на трапезу и разговорились с игуменьей, переросла в уверенность, что передо мной — та самая таинственная монахиня N., автор столь

Плач третьей птицы

поразившей меня книги. Я ее узнала по обороту речи, по интонации, по умному взгляду пронизательных глаз... Так и оказалось. Это была игуменья Феофила.

Потом она написала новую книгу, именно эту — «Плач третьей птицы», которую и прислала нам с мужем по электронной почте еще до издания. Сгорая от нетерпения поскорее ее прочитать, мы вывели ее на бумаге и сели с ним рядком, передавая друг другу прочитанные страницы... Образцово выстроенная, написанная великолепным языком, насыщенная смыслами, как обретенными в Священном Писании, святоотеческой литературе и мировой культуре, так и подкрепленными личным духовным опытом, эта книга из тех, с которыми не хочется расставаться: с ней хочется жить, перечитывать, учиться по ней проникать в суть движений собственной души и осмыслять повороты внешних событий. Ибо она дает ключ к пониманию христианской жизни, протекающей здесь и сейчас, в условиях современной России, в определенном историческом моменте, причем вписывает ее в контекст евангельской метаистории, задающей масштаб.

Удивителен объем эрудиции автора, который легко и свободно распоряжается ею, органично и компактно ставя ее на службу главной идее спасения человека. Тонкости христианской антропологии, православной догматики, аскетики, патристики, герменевтики, нравственного богословия, духовничества, церковной истории, Писания и Предания, — словом, церковность явлена в этой книге в экзистенциальном свете: высокие умозрения отражаются и преломляются в конкретных проявлениях человеческой жизни, свидетельствуя о своей насущности. Это — «хлеб наш насущный».

Кроме того, впущенные в пространство книги и соседствующие здесь житийные истории, принадлежащие разным векам, сюжеты из текущей современной церковной жизни, а также богословские умозрения, элементы православного вероучения, молитвенной практики, изречения церковных деятелей прошлого и высказывания проповедников нашего времени, поэтические строки литературной классики, взятые в качестве эпиграфов к каждой главе, и даже публицистические отступления, — все это, переплетаясь, создает картину единства христианского мира, вбирающего в себя время и пространство.

Речь здесь идет, прежде всего, о монашестве и монастырях как таковых и о монастырях, воссозданных после крушения оплота богоборчества и атеизма — советской империи, по преимуществу. Пребывание внутри этого процесса — возрождения монашеской жизни в России — дает игуменье Феофиле не только опыт очевидца, но и власть свидетельства о том, как это происходило: в книге множество конкретных случаев, ситуаций, примеров ошибок, искривлений и срывов новоначальных богомольцев и новопостриженных монахов. Это объясняется прежде всего — и во веки веков — человеческой природой, испорченной грехопадением, но и тем духовным и нравственным ущербом, который нанесло христианскому народу «вавилонское пленение» советской власти: утрата церковных традиций, угасание веры, искажение понятий о человеке, шаткость нравственных основ, туман заблуждений и суеверий, крайняя малочисленность подлинных наставников благочестия. Порой надо было начинать с выжженного поля человеческой души...

Плач третьей птицы

Однако, описывая конкретные прискорбные случаи злоупотреблений духовной властью в монастырях и на церковных приходах, религиозного самозванства, мистической самодеятельности, фарисейства, равно как и невежества тех, кто потянулся в монастыри и храмы, игуменья Феофила вовсе не ставит целью умалить религиозную жажду, открывшуюся в народе. Вовсе не пикантность отдельных эпизодов, порой граничащих с анекдотами, которыми она порой иллюстрирует свои рассуждения, является здесь целью: высота призвания, образец, Образ Божий — вот конечное устремление ее мысли. Недаром в книге не названы имена и фамилии тех, чьи сомнительные поступки и высказывания послужили игуменье Феофиле лишь инструментом для ее апофатического метода. Предметом обличения здесь оказывается не сам человек, а его фальшивые слова или дурные поступки. Как опытный реставратор, она словно снимает с первоосновы и поврежденные слои краски, и те, что грубо наляпали на него неряшливые и неумелые богомазы, дабы обнажить сокрытую ими сокровенную Красоту, сияющую в православии.

Хотя «Плач третьей птицы» — книга о монашестве, но по своему духовному кругозору она значительно объемнее, так же как и монашество, значение и влияние которого не ограничивается стенами монастыря или скита, а простирается на судьбы народов, достигая самых небес. Монашество — это удел стремящихся, как евангельский богатый юноша, к совершенству, к жизни, носящей на себе «отблеск будущего века». И в этом смысле — это самое сердце православия, «соль земли», молитвенный очаг, возле которого возгорается любовью Христовой охладев-

шее сердце христианина; источник живой воды, испив от которого, душа оживает и просветляется разум. Тем большее значение для России и для всего православия имеет то, что происходит с монастырями и в монастырях: духовное неблагополучие, оскудение веры и охлаждение любви, «соль, потерявшая вкус» — могут иметь самые дурные последствия для жизни не только всей страны, но и целого мира.

Знаю одну инокиню, которая, попросив у меня рукопись книги, вернула ее в полном молчании, а потом опубликовала в журнале гневную отповедь на нее, главный пафос которой сводился к тому, чтобы «не выносить сор из избы». Образ этот мне показался ложным и саморазоблачительным, ведь монастыри — это не личная изба, а обитель Святого Духа, «врата небесные», «скиния Бога с человеками», «освященный град», и нет более достойного радения здесь, чем радение о Славе Божьей, и более непримиримого сражения, чем битва с лукавым противником, пытающимся извратить и профанировать это избранное место.

Недаром вся русская культура вышла из монастырей и явилась той закваской, которая сформировала национальную ментальность, начисто изменить которую, при всем старании, не смогли ни большевики, ни постмодернисты. Огромное значение придает игуменья Феофила православному образованию: воссозданию человека «по образу Божьему». Христианин, говоря словами апостолов Петра и Павла, всегда должен быть готов дать вопрошающему ответ о своем уповании и сам дать за себя отчет Богу.

Автор книги противопоставляет христианскую просвещенность — невежеству и самочинию ума, всегда либо

Плач третьей птицы

слепо и бездумно следующего за указкой поводыря и рискующего заблудиться, потеряв оно, либо норovéhoщего уклониться в своевольные горделивые разыскания, чреватые раскольническим потенциалом или сектантским вывертом. Вера «угольщика и старой нянюшки» редко когда без ущерба проходит горнило испытаний.

Духовная просвещенность, питание от евангельских и святоотеческих источников, познания в области Предания и церковной истории, чтение хорошей литературы вслед за опытом церковной молитвы собирают воедино, центруют и формируют личность, спасая ее от расколотости сознания и внутреннего разброда, возвышают и помогают освободиться от власти темных природных инстинктов.

Недаром и в своем монастыре игуменья Феофила частью духовного руководства положила просвещение и образование вверенных ей насельниц: помимо участия в богослужениях и общемонастырских послушаниях — работы в золотошвейных и иконописных мастерских, трудов на поле, скотном дворе и на кухне, — матушка, приглашая монахинь и послушниц в богатую книгами монастырскую библиотеку, отводит часть времени на чтение лекций по самым разным дисциплинам, как церковным, так и гуманитарным.

Удивительно еще и такое свойство этой книги: в ней содержание не противоречит форме, смысл высказывания — его стилю. Прекрасное знание психологии человеческой души подтверждается еще и точностью выражения. Опрятности мысли соответствует словесная прозрачность. А эстетическая убедительность православия выражается в изяществе, даже художественности,

слога, который тем не менее остается по-мужски (по-монашески) чётким и твёрдым. Так говорит и пишет лишь человек, который с полной ответственностью свидетельствует о том, что он испытал, прочувствовал, продумал и понял, с помощью Божьей, сам, на собственном опыте, «Богу содействующа...»: «Пролей кровь и получишь Дух».

Словом, у нас есть прекрасная писательница, игуменья, книги которой уже можно причислить к православной классике. Так же, как когда-то я с ощущением первооткрывателя дарила ее «Дерзай, дочь», так и теперь испытываю радость, предвосхищая то наслаждение и ту духовную пользу, которую получит читатель от «Плача третьей птицы». Аминь.

Олеся Николаева

Сестрам, с любовью

Три монаха стояли на берегу моря. С другого берега раздался к ним голос: «Примите крылья и придите ко Мне». Вслед за голосом два монаха получили огненные крылья и быстро перелетели на другой берег. Третий остался на прежнем месте. Он начал плакать и вопиять. Наконец и ему даны были крылья, но не огненные, а какие-то безсильные, и он полетел через море с большим трудом и усилием. Часто ослабевал он и погружался в море; видя себя утопающим, начинал вопиять жалостно, приподымался из моря, снова летел тихо и низко, снова изнемогал, снова опускался в пучину, снова вопиял, снова приподымался и, истомленный, едва перелетел через море.

Первые два монаха служили изображением монашества первых времен, а третий — монашества времен последних, скудного по числу и по преуспеянию.

*Достопамятные сказания о подвижничестве
святых и блаженных отцов*

Святые отцы Скита пророчествовали о последнем поколении, говоря: «Что сделали мы?» И, отвечая, один из них, великий по жизни, по имени Исхирион, сказал: «Мы сотворили заповеди Божию». Еще спросили: «Следующие за нами сделают ли что-нибудь?» Сказал же: «Они достигнут половины нашего дела». — «А после них что?» И сказал: «Не будут иметь дел совсем люди рода онаго, придет же на них искушение, и оказавшиеся достойными в оном искушении окажутся выше нас и отцев наших».

Древний патерик

...На птиц этих люди похожи, мой брат!
Мы так же стремимся к заветному Свету:
Как сильные птицы иные спешат,
За ними другие, хоть сил таких нету.
Лишь я погибаю, как третья птица;
Над тучами реять мне сил не дано...
Все чаще приходится в волны садиться...
Но, Боже, не дай опуститься на дно!

Архидиакон Роман (Тамберг). Притча

ЧЕРНЫЙ МОНАХ ЗА КАМЕННОЙ СТЕНОЙ

Славой золотеет заревою
Монастырский крест издалека.
Не свернуть ли к вечному покою?
Да и что за жизнь без клобука!
А. Блок

Неужели китайцы?..

Эта мысль о будущем России, впервые высказанная, кажется, о. Андреем Кураевым, поначалу повергает в шок; однако, начав размышлять в заданном направлении, постепенно привыкаешь: лучше ли мы греков, от которых приняли священное наследство, и не жестоковейнее ли евреев: те, оказавшись после 70-летнего плена в несчастной разоренной стране, пеклись не о *качестве жизни*, а о возвращении к единой вере и восстановлении Храма. При этом давно уже носится слух, что нашествие и последующее преобладание *желтых людей* определённо предсказано то ли Библией, то ли Нострадамусом; и почему не вероятно постепенное проникновение раскосых наших собратьев в Сибирь, а затем в Тулу и Рязань мелкими группами по сто тысяч человек с массовым обращением в православие? В конце концов, Господь любит и китайцев.

Православных в России по статистике чуть ли не 80 миллионов, но провинциальные священники утверждают,

что церковь регулярно посещают от силы два процента населения. Тем не менее православие ужас как популярно, а особенно монашество, о чем свидетельствует широкое использование его образа в рекламе: питьевая вода «Святой источник», пельмени «Монастырские» (конечно, с мясом), а уж винно-водочные изделия! «Крестный ход», «Исповедь грешницы» (белое полусладкое и будто бы натуральное); «Черный монах», «Старый монах», «Шепот монаха», «Слеза монаха», «Исповедь монаха», «Душа монаха», чай «Китайский монах», с призывами на этикетках: прикоснись к тайне древних монастырей!..

Наверное, покупают хорошо, как и популярные книжки под завлекательными названиями: «Пелагия и белый бульдог», «Пелагия и черный монах», «Пелагия и красный петух», с круглой мордашкой в очках и апостольнике на обложке. Церковный журнал посвятил автору серьезную статью с тщательным разбором искажений христианских истин и монашеских правил; блаженны — или наивны — чистые сердцем! Модный литератор отнюдь не стремился к жизненной правде, он ставил совсем иные цели¹, вычислив с помощью телевизора и компьютера запросы широкой публики, измученной прогрессом: уютный издалека позапрошлый век, плюс детективный сюжет, плюс загадочные персонажи, неведомы зверушки, какие-то купцы, архиереи, схимники, монашки.

Дорогу, как водится, давно проложили на Западе, после ошеломительного успеха романа «Имя розы» завалив рынок аналогичными по теме, но несравнимо низкого качества бестселлерами, вплоть до бездарной и скучной пародии К. Бакли и Д. Тирни «Господь — мой брокер» (!) о преодолении финансового кризиса в американском мо-

настыре, новинки, предлагаемой на книжном развале. Конечно, фантастический спрос на *последние искушения, коды да Винчи* и т. п. свидетельствует об устойчивом, неоскудевающем, несмотря на секуляризм якобы постхристианской эпохи, интересе — ко Христу.

Заголовки статей, посвященных монастырям, намекают на жуткие постыдные деяния, которые совершаются в мертвой тишине наглухо запертых келий.

И повседневная пресса не отказывает монашеству во внимании по той же причине, сформулированной Бурадино: *здесь какая-то тайна*. Статьи бывают доброжелательные, с высокопарным описанием природы, распорядка дня, вкусного обеда и сердечной матушки, и, наоборот, разоблачительные, рисующие мрачный пейзаж, жестокую дисциплину, скудное меню, корыстное начальство и вопиющее нарушение прав человека. В одной столичной газете прямо писали, что игумены используют молодых послушниц в целях привлечения спонсоров, так сказать, в уплату за щедрые пожертвования... Жаль иногда, что Церковь предпочитает не судиться.

«За каменной стеной», «За монастырскими стенами», излюбленный «Обитель строгого режима» — заголовки намекают на жуткие постыдные деяния, которые совершаются в мертвой тишине наглухо запертых келий. Но вот, кажется, «Комсомольская правда» предприняла многообещающую разведывательную операцию, заслав